

В детстве я не знал, что такое «дежа вю», но одна и та же страсть периодически гнала меня на высокую железнодорожную насыпь, откуда открывался вид на бескрайние лесные просторы, зелёными валами уходившие к горизонту. Там находилось что-то важное, то, что властно влекло меня, заставляя до рези в глазах вглядываться вдаль и учащённо колотиться сердце. Я пытался своим детским умом проникнуть в тайну этого беспокойства. Иногда в солнечную погоду мне даже мерещился золотой блеск бесконечно далёкого купола церкви, похожий скорее на блеск утренней звезды.

И тогда я впервые испытал это странное состояние, как будто всё происходящее со мной я уже когда-то видел, что у меня есть какое-то прошлое, которое я почему-то не могу вспомнить. Это было так же, как пытаться представить себе бесконечность

времени и пространства. От попытки осознать его кружилась голова и чёрная воронка начинала затягивать меня в бездну. Тогда же, в детстве, я испытал похожее чувство полёта под наркозом на операционном столе. С годами это наваждение оставило меня, но осталось беспокойство, над которым я размышляю последние годы всё больше и больше.

...А ведь была маленькая деревня Деменино Буйского района Костромской области, откуда началась история нашей большой семьи. Пылинка, которую даже не разглядеть, поднявшись в небо. Но из такой же бесконечно малой точки миллиарды лет назад возникла жизнь в нашей вселенной. Взрыв, разметавший галактики, был промыслом, неведомым нам и поныне. Судьбы нашего крестьянского рода, так же, как галактики, разметало в двадцатом веке от европейского Страсбурга до сибирского Тобольска и от северного Череповца до пограничного с Азией Оренбурга.

Запах детства оттуда, из конца 1950-х, из бесконечно малой точки на карте, где прошло моё детство. Головокружительный запах цветущей у дома черёмухи и утренний аромат пирогов с капустой, которые бабушка вытаскивала из печи. На этой печке, радуясь жизни, мы с моими двоюродными сёстрами мутузили друг друга старыми пыльными валенками. Здесь, у дома,

мы играли в прятки и убегали от шипящих на нас гусей. До сих пор у меня обрывается сердце, когда нахлынет вдруг дурман черёмухи...

По-другому пахнет в окрестностях моей первой родины, украинской Макеевки. Это запах солярки и пороховой гари, запах беды. На украинской земле похоронены братья и сёстры моего отца.

1930 год. Моя бабушка, Евдокия Андреевна, в девичестве Фролова, работала в поле, не смотря на то, что была беременной на девятом месяце.

Это было нормой для крестьянской семьи. Работали, чтобы прокормить себя, ведь жили только своим трудом. И родила она в поле.

Отец, Борис Николаевич Соколов, появился на свет прямо на ржаном снопе, а не в больничной палате. Он был пятым ребёнком в семье. А всего в семье Соколовых было шестеро детей: Алексей, Александр, Валентина, Анатолий, Борис, Галина.

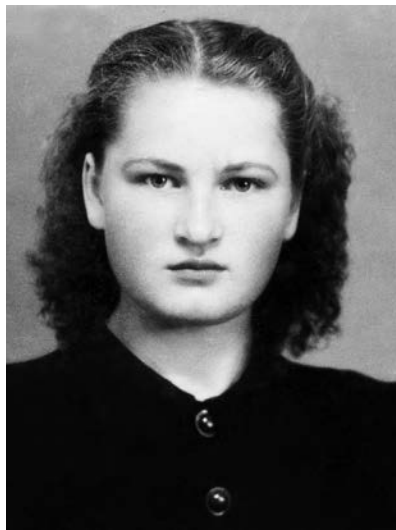
Мама моя, Александра Николаевна, родом из тех же мест, из деревни Кокотово Буйского района. Вспоминая те годы, она по рассказам старших ещё помнила достаток в многодетной крестьянской семье, живущей лишь своим трудом:

Из воспоминаний Александры Николаевны Соколовой:

«У нас ведь раньше-то, до колхозов, всё своё было: и дом,

и полные амбары, во всём достаток. Была и лошадь, и корова, и поросята, козы, овцы, куры — всё было. Отец работал один от зари до зари, полностью обеспечивал нас, троих детей, и маму. Однажды во время сильной грозы, когда он работал в лесу, заготавливая дрова, молния ударила в дерево, под которым он укрывался. Отец погиб, а мы остались одни с мамой. А тогда создавали колхозы и силой загоняли туда всех, а у тех, кто не хотел, отбирали всё имущество. Пришли и нас раскулачивать. Отобрали всё до последней крошки: и скот, и запасы, даже посуду, ложки — всё отобрали. Последние тряпки и те забрали. Пытались даже лавку отодрать, да она крепко была прибита... Осталась одна мама с тремя детьми в голой избе, я совсем маленькая была. Вот где хлебнули мы лиха!

Ни одежды, ни обуви нам не оставили, спали на голом полу, на соломе. Голодали ужасно, простыли, заболели. Помню, я всё время плакала и просила у мамы поесть. А она мне и говорит, нет у меня ничего, идите к тётке Маше (сестре отца). Тётя Маша своевольно запрещала маме вступать в колхоз и чувствовала свою вину за то, что у нас всё отобрали. Её и саму раскулачили, вернули лишь колокольчик от коровы в насмешку, когда она вынуждена была записаться в колхоз. Мария пекла хлеб из картофельных

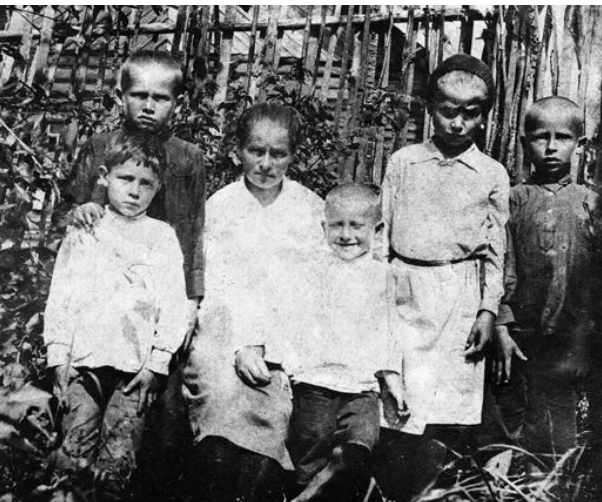
Соколова А.Н.

очисток, очень горький, но есть всё равно всегда хотелось. А по весне ходили в поле, добывали какие-то корешки, собирали крапиву, лебеду. Выкапывали остатки мёрзлой прошлогодней картошки. Отмывали гнилые клубни, которые уже превратились в крахмал. Вот он на дне осядет, мама высушит и печёт из него булки. Колоски мама нам запрещала собирать, говорила, посадят меня из-за них, а вы куда денетесь? А соседи наши собирали колоски, мололи зерно и пекли хлеб из этой муки».

В довоенных магазинах ничего не было. За одеждой (тогда называли мануфактурой) занимали ночью очередь, писали номера химическим карандашом на ладонях, зимой — мелом на спине пальто. Постоянно отмечались.

За хлебом ночью отец с бабушкой из деревни Дементино ходили за 8 километров в соседнее село Заломоево, занимали очередь, ночь проводили в доме у крестьянина. Проспал — занимай очередь по-новой. Отцу было тогда пять лет. Так жили наши родители перед войной.

Бабушка во время войны одна вытянула четверых детей. На мужа и двух старших сыновей похоронки пришли уже в 1941 году. Она одна зимой ходила пешком за 25 километров в деревню Мысы к своей сестре Ольге за продуктами и падала как подрубленная от усталости на пол, покрытая с ног до головы ледяной коркой... Дровами обеспечивали отец с братом Анатолием, возили зимой на санках, летом на тачке из леса.

Бабушка с детьми, отец третий справа. 1935 г.

1941 год. Незадолго перед началом войны мой дед, Николай Алексеевич Соколов, получил в Ленинграде квартиру на улице Сенной, дом 3, и вся семья должна была переехать туда. Переезд был назначен на 19 июня 1941 года. Дед не успел забрать всех. Слухи о войне ходили упорно, несмотря ни на что. Было тревожно. Что-то его задержало, к счастью. Потому что 22 июня началась война, и он в первый же день ушёл на защиту Ленинграда. Александр ушёл на второй день, закрыв квартиру на ключ. А ещё через несколько дней в наш дом попала бомба, разрушив его до основания. Так мы не стали ленинградцами, но остались живы. А мой дед и дядя, Александр Николаевич, похоронены на Пискаревском мемориальном кладбище вместе с многими другими защитниками Ленинграда.

Второй мой дядя, Алексей Николаевич, сгорел в танке, защищая Смоленск. Все погибли в 1941 году. Интересно, что в 1946-м, когда отец учился в Ленинграде на курсах столяров, ему довелось разбирать кучи щебня и завалы на месте нашего разрушенного

дома на Сенной. Там он впервые увидел немцев, которые воевали под Ленинградом. Глядя на серо-зелёные мундиры пленных, которые грузили обломки бетона в грузовик, он пытался увидеть в них врагов и не мог, несмотря на всю боль от потери братьев и отца, которая жгла его долгие годы даже в мирное время.

1942 год. Во время войны семья отца жила тогда в Буге, это был стратегический железнодорожный узел, связывающий не только Москву и Ленинград, но и восточное направление на Сибирь. Взяв Тихвин, немцы оттуда летали ежедневно и бомбили и мост, и пути на Ленинград. Мост был совсем рядом с домом. Его хорошо охраняли войска ПВО, но на железнодорожные пути постоянно падали авиабомбы. Именно возле железной дороги отец пас корову. Однажды на него спикировал самолёт с чёрными крестами на фюзеляже и на бреющем полёте прошёл рядом, развернулся и снова пошёл на него, прижимаясь к земле. Отцу было тогда 12 лет. Он растерялся и стоял не шелохнувшись. Самолёт снова прошёл совсем уже рядом, метрах в пятнадцати, обдав пацана жарким шлейфом страха и нагретого металла. Лётчик смотрел на него из кабины, и их взгляды встретились. Он не стал стрелять в ребёнка и ушёл в небо. А отец дал себе слово,

Соколов Б.Н. Служба в Германии (1951—1955 гг.)

что когда вырастет, обязательно станет лётчиком. Это было первое реальное ощущение близкой смерти.

1950 год. Служба в Германии в послевоенные годы оставила в памяти отца самые лучшие воспоминания, несмотря на испытания, которые сыпались на его голову постоянно.

Из воспоминаний Бориса Николаевича Соколова:

«830-й Гвардейский Слуцкий Краснознамённый ордена Суворова штурмовой авиаполк. Здесь я служил воздушным стрелком и четыре с половиной года летал с нашим командиром, полковником А.И. Треусом. После учебных стрельб по конусу в мишени оставалось до 30 зелёных дырок

(стрелки красили свои пули в разные цвета, чтобы не путать попадания, мой цвет был зелёный). 30 попаданий из 50 патронов в диске. А оценку «5» ставили за 5 попаданий. На дивизионных учениях все американские «сейбры» всегда оказывались в перекрестии на плёнке моего фотопулемёта. Нам платили по 400 марок и 200 рублей каждый месяц, плюс 9 рублей в час за полёт в сложных метеоусловиях. Два раза в отпуск домой ездил с чемоданами подарков, ежемесячно посылки слал домой и деньги. За успехи по службе часто отпускали в увольнение.

И вот однажды решили мы с моим другом Галли Сиушевым попить пивка в Плауэ, это остров посреди большого озера, там не было наших патрулей-чернопогонников, которые в Бранденбурге буквально охотились за нами. Взяли плоскодонку на лодочной станции, плывём и не видим, как на фарватер выплывает пароход, тянущий три баржи за собой. Короче, опомнился я в воде, увидев прямо перед собой, как два мощных гребных винта с треском в щепки перемальвают лодку. Немецкие яловые сапоги мгновенно намokли и превратились в пудовые гири, потянули на дно. Стянуть их было невозможно, так плотно они облегали ноги, не то что наши кирзачи, которые мы не носили. Баржи прошли, и на поверхности воды остались

лишь две наши пилотки. Где-то рядом слышу голос Галли:

— Борик, тону! — Это мне так показалось тогда. Оказывается, он кричал «Не к тому!», — я плыл не к тому берегу, а до него с километр, ни за что в сапогах не доплыть. Спас нас немец, лодочник. Правда взял за разбитую лодку 90 марок. Рассчитывались размокшими купюрами. А немец ещё и спирта вынес нам, «оккупантам», чтобы согрелись. А вообще, отношения с немцами были всегда самыми тёплыми, не то что с поляками и прибалтами».

А ещё во время парашютных прыжков он угодил в купол своего товарища Саньки Петухова из Рыбинска и стал его гасить. Тот не мог справиться со стропами и купол полностью накрыл отца. Тогда он принялся сам подтягивать к своим коленям Саньку, так и грохнулись с непогашенной скоростью, переломали оба ноги, но остались живы.

Во время бомбометания командир поздно вывел самолёт из пике, и осколки своих же бомб прошли стабилизатор и бензобак с маслопроводом. Плехнулись на брюхо — и опять живы...

14 апреля 1951 года на дивизионных учениях все три полка — 153 самолёта, каждый с полной боевой выкладкой по 4 бомбы, по 4 РС, по 300 снарядов для двух пушек, по 1500 патронов на ствол для пулемётов ШКАС, невзирая на грозовую погоду, шли на полигон Куммерсдорф, когда

огромная чёрная туча поглотила воздушную армаду. Ураган разметал самолёты. В результате разбилось сразу 13 экипажей. В мирное-то время! 26 гробов было захоронено на Потсдамском кладбище. За всю войну не было такого случая, чтобы с задания не вернулось сразу столько самолётов. Это был результат

типичного начальственного самодурства. Пришла команда, и гроза-не гроза, а лететь всем!.. И опять чьё-то провидение спасает отца.

1954 год. Пересадка в Орше, бериевская амнистия, толпы уголовников на вокзалах караулили прибывших из Германии демобилизованных солдат. Возвращались при деньгах, каждый вёз чемоданы добра, подарки. Лётчики и моряки считали тогда друг друга братьями, и когда в вагоне ехали вместе, сдружались и объединились для отпора блатным. Так удалось пробиться к кассам, закомпостировать билеты хоть куда, лишь бы уцелеть... Всё было серьёзно.

Хрущёвские реформы вышли боком стране.

С середины 50-х началось укрупнение колхозов, многие деревни были признаны неперспективными. Хрущёвская блажь догнать и перегнать

Штурмовик ИЛ-10, на котором Б.Н. Соколов летал 4,5 года

Америку по мясу окончательно разорила крестьян: отобрали скот, реорганизовали МТС, заставили выкупать технику.

Возник искусственный продовольственный голод. Началось повышение цен. Произошли известные события в Новочеркасске, где расстреляли митингующих рабочих. Разрушенный привычный уклад деревенской семьи, бесконечная нужда и голод двигали человеческими ресурсами, ломали родственные связи по всей стране, сотни тысяч крестьян разъехались на заработки.

1956 год. А Украина в то время жила сыто. Магазины ломались от изобилия, мясные продукты стоили чуть больше рубля, ведро помидор в два кулака 60 копеек. На шахте Бутовская Глубокая, куда устроился отец, на проходке ствола и нарезке штреков проходчики какое-то время получали по 18 тысяч в месяц. Это более

Кулемин Б.Н.

чем в 10 раз превышало зарплату квалифицированного специалиста на металлургическом заводе в Макеевке. За месяц можно было заработать мотоцикл. Поэтому именно на Украину стронулись мы всей большой семьёй.

Условия труда шахтёров Донбасса отец вспоминал не раз, удивляясь, как он сам выдержал на такой работе несколько месяцев. Многие и двух дней не вытерпели.

Из воспоминаний Бориса Николаевича Соколова:

«Спуск на глубину 1200 метров, где мощность пласта была 60 см. Длина лавы 200 метров от штрека до штрека, ширина захвата комбайна 45 см, остаётся 15 см, так называемая присуха. Вот эту присуху мы и отбивали обушками лёжа и

кидали на ленту транспортера, а за нами шли крепильщики и крепили лаву: две стойки и распил. Орошение на комбайне не работало, дышали угольной пылью и метаном, темнотища, свет только от лампочки с аккумулятором на каске, ничего не видно, жара за 40 градусов. Ад! Поднявшись на-гора, целый час под душем выкашливали угольную пыль из лёгких... А зарплаты Хрущёв шахтёрам как раз тогда и снизил».

Здесь, в Макеевке, я и родился. Старшая сестра отца Валентина уехала чуть раньше с семьёй. Они получили там квартиру и приютили нашу семью. Жили у них в трёхкомнатной квартире, где меня и вынянчили с Борисом Николаевичем Кулеминым, мужем Валентины. Он был родом из соседней с Демино костремской деревни Мисково. Дядя Боря был легендарным танкистом, Героем Советского Союза и просто замечательным человеком. Весь город ремонтировал у него автомобили, потому что он был лучшим автомехаником и не отказывал никому, причём денег за свои услуги не брал. Его все любили. Звезду Героя ему в Кремле вручал лично Н. Шверник, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Сейчас невозможно представить себе то, что он смог совершить с экипажем своего тяжёлого танка ИС-2.

Из наградного листа Бориса Николаевича Кулемина:

«Гвардии старшина Кулемин Б.Н. в боях с превосходящими силами противника 22—27 января 1945 года проявил воинское мастерство, героизм и мужество. Разбил оставшуюся в г. Кобылин группировку немцев. Сжёг 1 танк, уничтожил 5 орудий и 30 солдат и офицеров. Танк прошёл с боями 300 километров и по технической причине остановился на перекрёстке дорог у д. Пенково. Начиная с ночи на 24 января экипаж с автоматчиками вели бой с немцами. Кулемин подпускал на 50—100 метров уходящих на запад немцев и расстреливал их из пулемётов. Немцы решили уничтожить танк. 3 дня танкисты отбивались от противника. Огнём из танковой пушки и танковых

пулемётов, автоматов и пулемётов, отбитых у противника, уничтожено 338 солдат, 40 офицеров, бронетранспортёр, 4 автомашины с боеприпасами, 1 штабная машина, 11 подвод с грузом. Захвачено 48 винтовок, 3 крупнокалиберных пулемёта, 18 пистолетов. 27 января танк был атакован ротой пехоты и танками противника в количестве 40 машин. Немецкие танки открыли беглый огонь по нашему танку. Кулемин открыл ответный огонь. Вскоре, израсходовав все снаряды, танк, получивший 18 прямых попаданий, сгорел. Командир танка был тяжело ранен. Погибли заряжающий и один из автоматчиков. Остальные по приказу старшего по званию оставили сгоревший танк и укрылись в д. Пенково, где

Танк ИС-2 Кулемина Б.Н. выдержал 18 прямых попаданий снарядов

Б.Н. Соколов. 1975 год

и были освобождены разведкой 3-й гвардейской армии».

Вскоре мы покинули шахтёрский край и уехали искать счастья в северный Череповец, где разворачивалось строительство нового металлургического комбината и требовались рабочие руки. Остальные наши родственники так и остались на Украине, кто где. С тех пор наши связи стали распадаться.

2015 год. Отец много раз задумывался, почему столько раз смерть обходила его, словно ангел спасал. И немец, не ставший стрелять, и бомбы прошли стороной. В Германии, когда самолёт не разбился в грозу, когда тонул. В голодном Ленинграде бандиты не раз нападали с ножом, били до потери

сознания пьяные хулиганы во время тренировок, сбивала машина, проломив череп, — и так всю жизнь. Подобные происшествия преследовали его с невероятным постоянством.

Если обречённый столько раз выживает неправдоподобно и вопреки всему, значит, это кому-нибудь нуж-

но?.. Значит, важно, чтобы род его продлился... Или он должен выполнить некую предназначенную ему миссию?..

Он нашёл ответ в зрелые годы, когда недуг сковал его лёгкие, сказала-таки работа в угольной шахте. Стал обливаться холодной водой, заниматься моржеванием, бегать. Создал клуб любителей бега, затем другой, третий... Организовывал пробеги по всей стране.

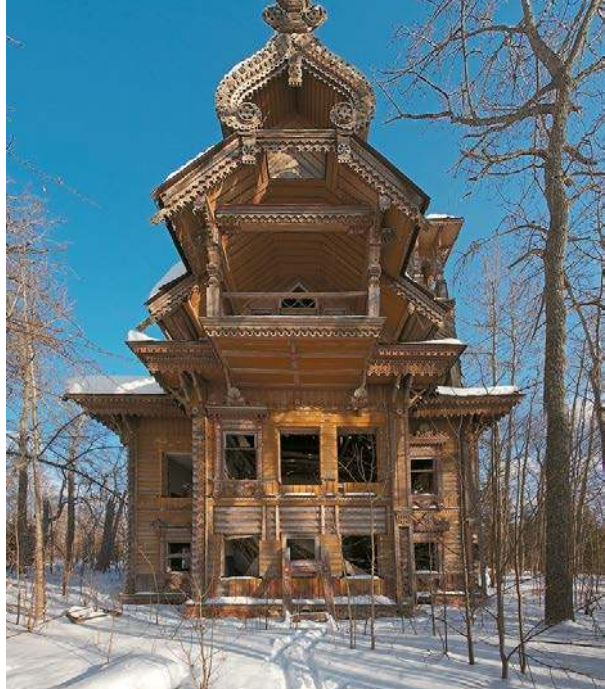
После международного сверхмарафонского пробега в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне по маршруту в 2 тысячи километров Москва — Варшава — Берлин в составе советской сборной ему присвоили звание мастера спорта СССР.

2010 г. Московский
международный
пробег мира.
Б.Н. Соколову —
80 лет

Так сейчас выглядит шахта Бутовская Глубокая после обстрела ВСУ

**Зброшненны тэрэм в
костромскай
глушы**

Деменино. Зброшненнае дрэва, адна з тысяч

Постепенно отец стал не просто фанатиком бега, но и неистовым пропагандистом здорового образа жизни. Он нашёл себе множество единомышленников по всей стране, а ведь интернета тогда не было. Письма приходили к нам домой ежедневно пачками, и он отвечал всем, просиживая ночи. Последовали приглашения на Нью-Йоркский международный марафон, на азиатский имени знаменитого Шри Чинмоя.

Первый в истории бега зимний экстремальный марафон, который он организовал, лишил его пальцев на ногах, которые он отморозил. Их пришлось ампутировать. Он опять не успокоился, стал самостоятельно изготавливать себе особую обувь и бегал без пальцев, продолжая организовывать всё новые клубы любителей бега. Наверное, тысячи людей привлёк к здоровому образу жизни, кому-то несомненно продлил жизнь, вернул здоровье. Карта Советского Союза, висевшая в нашем доме, была вся покрыта красными флажками его спортивных единомышленников. Так и бегал бы до ста лет, как себе наметил, если бы не смерть мамы, сразившая его на 85-м году параличом.

— Как быстро всё закончилось, — вдруг сказал отец, когда ему исполнилось 86 лет. И я понял, как счастливо он жил, даже не заметив старости.

В последнее время отец стал всё чаще уходить на берег реки, где в старой берёзовой роще построили новый храм. Он не был воинствующим атеистом, но и никогда не интересовался духовными материями. И сейчас в храм не заходил и не молился. Просто садился на лавочку и целый день проводил в молчаливом сосредоточенном одиночестве. На мои попытки разговорить его на эту тему лишь однажды признался:

— Красота-то какая...

Всё-таки, что-то ему открылось. Глубоко сокровенное, личное. Какое-то мощное дежа вю открыло ему свой потаённый портал... Красота-то какая...

2017 год. Мы не знали в последние годы почти ничего о судьбах наших близких на Украине. И вдруг, каким-то образом мой младший брат Вячеслав, живущий в Череповце, через интернет разыскал наших сестёр, которых он вообще никогда не видел.

Что мы знаем о нужде, пока она не схватит нас за горло? Когда похороним всех родственников? Окажемся во враждебной стране, которая была родной. Когда приходится сидеть в темноте, экономить электричество и воду, есть всухомятку, чтобы не жечь газ, не включать телевизор, кутаться в верхней одежде под одеялом, чтобы не топить, ходить пешком. Когда

История рода СОКОЛОВЫ

Алексей СОКОЛОВ
1916 г.

ПРАДЕД

с. БРБ - Восток у Волги

с. Деметово, 1935 г.

Николай Алексеевич и Екатерина Андреевна, 1938 г.

Алексей 1919

Александр 1922

Валентина 1924

Анатолий 1927

Борис 1930

Галина 1939

некому позвонить, потому что с Россией нет связи. Невозможно вывезти те немногие деньги, которые выручили от продажи хорошего дома в живописной Полтавщине. Банки российские не работают... Дети взрослые не у дел, и ты ничем не можешь им помочь...

2018 год. Они позвонили в рождественский сочельник. Две мои двоюродные сестры Татьяна и Тамара на днях звонили мне из Череповца от брата, который пригласил их после переезда с Украины. Это было не просто бегство, а спецоперация, о которой Татьяна, которой досталось больше всех, ещё не отойдя от пережитого, пыталась

что-то рассказывать и замолкала через слово, наверное, не веря, что всё уже закончилось. Была плохая связь, но услышав их голоса, я снова испытал это странное чувство, словно и не было между нами 60 лет. Что ещё возможно снова заглянуть за горизонт. И что в жизни может ещё что-то случиться...

Сейчас наша обезлюдившая родина, Костромская область находится на казначейском обеспечении федерального центра. Большие города вытянули трудовые ресурсы из перспективных районов. Зато популярны массовые фототуры по глубинке, по заброшенным деревням. Тракторами тащат

беспомощные джипы по брюхо в грязи ради гламурного тлена. Трухлявые и поваленные остовы деревянных домов выглядят жалко и вызывают чувство обречённости. Ведь это всё бывшие родовые гнёзда. Многих деревень и вовсе нет, а на их месте лишь заросшие геометрические знаки, похожие на матрицы былой цивилизации. Значит, дома разобрали и перевезли в другие места или просто развалили на дрова. И таких деревень-призраков на нашем русском Севере тысячи. Есть среди уцелевших заброшенных домов и подлинные жемчужины деревянного зодчества, например, дом крестьянина Мартьяна Сазонова из села Асташево Чухломского уезда.

Как жили многие работающие крестьяне до коллективизации и раскулачивания, можно наглядно убедиться, побывав в Костроме возле Ипатьевского монастыря, где свезены в музей

под открытым небом памятники деревянного зодчества дореволюционной постройки. Деревянные срубы, пятистенки, жилые помещения, мельницы, церкви, амбары, лавки, домашняя утварь — всё выглядит и сейчас добротно, прочно, красиво. На совесть делали, для себя. Ведь работали они не только топором, но и душой. Топор — самый необходимый инструмент и любой хозяйственный мужик владел им в совершенстве. Топорная работа — это ручная работа. Побывайте в Костроме у Ипатия, посмотрите.

Зачем я ворошу прошлое, ведь его не вернёшь... Рассыпаются многие смыслы и связи, пока нас несёт инерция жизни. Меняется информационный код поколений, меняются ценности. И всё же наше прошлое не уходит бесследно. Остаются плоды созидания или руины. Остаётся запах черёмухи или пепелища. Остаётся тайна горизонта, за которым начинается новое будущее...